

DOI: 10.15643/libartrus-2023.3.3

Социально-территориальная мобильность в европейских странах

© А. Н. Муфтахова

*Северо-Западный институт управления, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 199178 г. Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., 57/43.*

Email: msmalmira@yandex.ru

Актуальность темы обусловлена тем, что в современной Европе существует большое разнообразие жилищных политик и путей решения жилищной проблемы. Такое различие обусловлено цивилизационными и социо-культурными особенностями стран, уровнем их экономического развития и рядом других не менее значимых факторов. Основная цель заключается в исследовании влияния степени удовлетворения естественных жилищных потребностей на социально-территориальную мобильность в европейских странах. Объектом для анализа выступили отличительные особенности в удовлетворении жилищных потребностей в европейских странах. Предметом обозначены проявления социально-территориальной мобильности среди жителей европейских стран в условиях жилищного неравенства, что позволило выявить, как различие экономических систем сказывается на скорости и масштабах социальной и территориальной мобильности граждан ЕС.

Ключевые слова: *социальная мобильность, территориальная мобильность, жилье, жилище, европейские страны.*

Изучение неравенства европейских граждан при удовлетворении жилищных потребностей позволило обратиться к вопросу мобильности в условиях стратифицированного общества.

Специфику отношений по вопросам решения жилищных проблем на западе Европы составляет взаимосвязь с субсидиарным подходом («жилье как роскошь») в отличие от восточноевропейской солидарности от завышенного ожидания права простой (частной) собственности на недвижимость, которая заменила социалистическое градостроительство, где «жилье являлось результатом труда».

В странах, имеющих развитую экономику, распространены аренда и лизинг, кредиты под залог недвижимости (ипотека), социальное возмещение расходов на жилье, что свидетельствует об укорененности способов решения жилищных вопросов. Многообразие способов решения жилищной проблемы и свобода населения в своем выборе места обитания приводят к увеличению стоимости жилья. В Западной Европе материальная и нематериальная стоимость недвижимости выше, чем в бывших социалистических государствах (иногда с единственным типом проживания граждан в жилищах).

В странах с транзитивной экономикой в рамках внедрения БОД была сделана ставка на переход к либерально-монетарному подходу введения частной собственности методом всеобщей приватизации жилья как ключевого способа решения жилищной проблемы. Завышенные надежды населения востока Европы от института простой собственности сказываются весьма негативным фактором влияния на жилищные условия. В этих странах наблюдается высокий

уровень перенаселенности, увеличение доли населения, имеющего жилищные проблемы или лишённого некоторых элементов жилья по статусу доходов (бедность).

Модель социально-экономической стратификации (с точки зрения доходов), включенная в методологию Евростата, которая учитывает долю населения, подверженного риску бедности, свидетельствует о значительных различиях в решении жилищной проблемы среди жителей европейских государств. В развитых странах с относительно стабильным положением наблюдается неравенство, при котором жилищные условия и уровень жизни малоимущих в два, а то и в четыре раза хуже, чем у остального населения.

Анализ показателей удовлетворенности населения своим жильем в европейских странах обнаружил персонификацию системы суждения о своем месте обитания, что объясняется критичностью требований населения к жилищным условиям [1, с. 116–142].

По верному замечанию О. Н. Яницкого: «Развитие социального потенциала населения невозможно без его социально-территориальной мобильности» [2, с. 60]. А мобильность как способность адаптироваться к постоянно изменяющемуся глобальному и местному контексту суть необходимое свойство современных субъектов действия любого масштаба [2, с. 33].

Проблема пространственного перемещения в стратифицированной иерархии изучалась еще в классической социологии. Так, П. А. Сорокиным мобильность трактуется как переход индивида, социальной группы в социальном пространстве из одной страты в другую и представляется в виде «социального здания», где жильцы при помощи огромнейших лестниц передвигаются «вверх и вниз» по «социальным этажам» [3, с. 376].

Жилищная стратификация и мобильность изучались и М. Вебером, который видел в социальном пространстве европейского города не только скопление жилищ, но и капиталистическую систему хозяйственных корпораций с собственным земельным владением [4, с. 342].

Роль жилья и влияние жилищных условий на среду обитания в городском пространстве выявляет Чикагская школа социологии. Р. Э. Парк и Э. Берджес объясняли мобильность жителей городов динамикой и метаболизмом городской жизни, что, в свою очередь, приводило к смене групп населения, изменению внешнего вида и атмосферы конкретных районов, а также формированию различий в стоимости земли и жилой недвижимости [5, с. 211]. Ф. С. Чэпин проводил ряд исследований для установления зависимостей между восходящей вертикальной мобильностью и переселением семей из городских ветхих домов в социальное жилье [6, с. 224]. Его выводы были подвержены критической оценке по причине устоявшихся взглядов на главенство демографических характеристик, оказывающих влияние на решения о перераспределении населения, к которым относятся социально-экономические и психологические факторы, касающиеся семьи и ее жизненного цикла, а также профессионально-трудовой мобильности.

Однако развитие теоретических предпосылок о существовании абстрактного пространства внутри полей и практик социальных действий позволило переступить через ограничение структурированного отношения к передвижениям по «социальным лестницам» (социальной иерархии). А. Лефевр считал актуализацию социальной и профессиональной мобильности, столь желаемую планировщиками (владельцами и агентами устройства города), в корне поверхностной, поскольку подобный взгляд оставляет социальные отношения нетронутыми, и при этом городское социальное пространство внутри наполнено всевозможными противоречиями порядка и беспорядка, равновесия и движения, стабильности и мобильности [7, с. 97].

М. Кастельс, задаваясь урбанистическими вопросами, находил на них ответ в процессах формирования жилого пространства, одновременно сложного в своих проявлениях и соответствующего предельно четким общим тенденциям, что может быть воспринято на уровне субъектов через изучение того, что называется жилой мобильностью, то есть уже произведенных перемещений индивидом в жилом пространстве [8, с. 178–179]. В дальнейшем, проводя изучение информационных сообществ, М. Кастельс выявил свойственные европейскому жилищу «домоцентризм» и «индивидуализм» [9, с. 312].

Дж. Урри, отталкиваясь от идей сетевого общества М. Кастельса, использует концепцию «сетевого капитала» для того, чтобы увязать теоретическую модель пространственной «мобильности» с исходными критериями социального неравенства [10, с. 435]. Ссылаясь на В. Кауфманна, он приводит различные формы мобильности – жилищная мобильность, миграция, путешествие и будничная мобильность, имеющие комбинированные типы между этими четырьмя: двойные места проживания, транспортные перемещения между домом и работой, разные домовладения и туристические поездки на короткий срок [10, с. 122]. Наряду с этим Дж. Урри, говоря о природе жилища, исходит из тех следствий, которые проистекают из тезиса, что индивиды живут в сообществах – локально-определенных или построенных в заданных формах – и из предположения о том, что большинство типов жизнеобитания зависят от различных моделей мобильности [11, с. 14].

Несмотря на схожесть выводов об ограничении вертикальной и горизонтальной мобильностей по причинам недоступности решения жилищных вопросов, все проведенные исследования касались территориальных перемещений в локальных городских сообществах в разных странах. По указанной причине предполагаем, что проводимое исследование территориальной мобильности зависит от особенностей пограничного контроля ЕС, вызванных наличием Шенгенской зоны [12], поскольку вслед за П. Бурдые считаем, что нельзя взять произвольно точки измерения, существование которых эмпирически доказать невозможно, и считать их неким социальным пространством [13, с. 557], внутри которого происходят различные социальные активности. Таким образом, под территориальной мобильностью понимаем перемещения в социальном пространстве определенной территории, границы которой релевантны и валидны.

В подтверждение сказанного целесообразным представляется обратиться далее к информации Евростата [14].

Как можно заметить, доля лиц, сменивших свое жилье и переехавших в другое жилое помещение, существенно различается в зависимости от государства пребывания. Переезды чаще свойственны жителям стран с более развитой жилищной политикой. В 2012 г. в Швеции выбрали иное место жительства 37.6% населения, в Дании – 31.3%, в Великобритании – 30.8% населения.

Развивающиеся страны с менее крепкой жилищной системой демонстрируют особый уровень оседлости на своей территории. В 2012 г. в Румынии сменили жилье 1.6%, в Болгарии – 3.2% населения [15].

Вместе с тем имеются основания подтвердить предположение о высокой зависимости от ожиданий от права частной собственности на недвижимость. В государствах с развитыми статусами владения населению характерна независимость от места обитания, оно легко меняет одно жилище на другое. Среди переехавших граждан в Швеции 16.2% являлись собственниками жилья без ипотеки и 32.5% собственниками обремененной недвижимости с ипотекой или

кредитом; в Дании 14.5% – простыми владельцами и 22.3% – собственниками, обремененными кредитами; в Финляндии 9.4% частных собственников и 37.1% ипотечных собственников.

В странах Восточной Европы ситуация с мобильностью и переездами на новое место проживания несколько иная. В Венгрии переехало только 3.9% частных собственников и 9.3% собственников с ипотекой или кредитом; в Хорватии 2.6% простых владельцев и 9.8% владельцев обремененного имущества; в Румынии 1.5% простых собственников и 3.1% ипотечных собственников.

Низкий уровень территориальной мобильности по степени урбанизации показывают страны востока Европы. В Болгарии сменили место жительства 3.7% жителей крупных городов (cities), 3.4% жителей городков и пригородов (towns and suburbs) и 2.5% жителей сельских районов (rural areas); в Румынии – 2.1%, 2.1, 1.4% соответственно.

Между тем население запада Европы демонстрирует более активную подвижность при смене места жительства. В Швеции из крупных городов выехало 46.9% населения, из городков и пригородов – 38.3% населения, из сельской местности – 38.4% населения; в Великобритании 31.4%, 31.2, 27.5% соответственно [15].

Приведенные данные демонстрируют правильность концепции урбанистического восприятия, разработанной в рамках Чикагской социологической школы, при которой именно степень домовладения влияет на уровень мобильности населения. Так, Р. Маккензи в рамках «экологического подхода» рассматривал пространственные связи людей как продукт конкуренции и отбора, которые постоянно находятся в процессе изменения по мере вмешательства всевозможных факторов, стимулирующих мобильность [17, с. 36]. Р. Парк мобилизацию индивидуального человека увязывает со способом размещения в городском пространстве [17, с. 51]. Л. Вирт считал, что в подавляющем большинстве жители городов не являются домовладельцами, а поскольку временная среда обитания подчинена флуктуационным изменениям, то в результате социальной мобильности текучесть личного состава групп горожан обычно велика [18, с. 105].

Таким образом, с развитостью жилищных политик и наличием всевозможных способов в удовлетворении жилищной нужды, можно объяснить такое положение вещей, при котором уровни территориальной мобильности по степени урбанизации различаются для востока и запада Европы.

Определенную зависимость показывают соотношения трудовой и жилищной мобильности. Высокий уровень трудовой мобильности можно отметить среди занятого (работающего) населения в Нидерландах – 52.5% от общего числа переехавших лиц, в Германии – 58.7% от общего числа переехавших лиц [19].

Среди переехавших лиц, отмеченных применяемым Евростатом термином «экономически неактивные» (economically inactive [20]¹), больше всего замечено в странах с неразвитой или слабо развитой жилищной политикой: в Румынии – 64.1% от общего числа переселившихся жителей, в Хорватии – 55.1% от общего числа переселившихся жителей.

---

¹ В соответствии с определением Международной организации труда, человек экономически неактивен, если он или она не является частью рабочей силы. Поэтому неактивные люди не работают и не имеют работы. Например, неактивное население может включать детей дошкольного возраста, школьников, студентов, пенсионеров и домохозяйек или людей, при условии, что они вообще не работают и не доступны или ищут работу, и некоторые из них могут быть трудоспособного возраста.

Как отмечает В. В. Ильин [21, 22], при описанных процессах возникают сложности с интеграцией прибывшего населения в большие города, что, разумеется, не всегда оказывает положительное влияние на атмосферу больших городов.

Из сказанного следует, что разность «капиталистических систем хозяйственных корпораций» (по М. Веберу) сказывается на степени территориальной мобильности граждан ЕС. В странах, имеющих развитую экономику и разнообразие жилищных политик, активной происходят смена жилья, поиск и приобретение нового места жительства. При цивилизованных способах аренды и высоком уровне доверия к кредитной системе граждан в большей степени независим от своего статуса владения. Арендатору легче найти арендодателя по более приемлемым условиям среди частного сектора, действующего по рыночным ценам, или государственного (общественного) по социальному найму. Ипотекополучатель (залогодатель), находясь в условиях стабильной финансовой системы, вправе выбирать между кредитными механизмами, распространенными в европейских странах (кредит под залог недвижимости (ипотека), лизинг, ссуда, субсидия и т.д.).

Более того, расширенный и конкурентный способ поиска места для своего пребывания увеличивает ценность недвижимости, делает жилье «роскошью», со всеми атрибутами «субсидарности» (уплата налогов, коммунальные расходы, безопасность, инвестиции, декларирование и т.п.).

И здесь можно, с одной стороны, согласиться с М. Кастельсом, для которого представители тех, кто мнит себя элитой, составляют свое символическое сообщество и формируют локально изолированные группы, закрываясь за спекулятивные границы цен на жилищное строительство [9, с. 349]. Для испанского ученого все запросы на мобильность в жилищном секторе свидетельствуют о фактическом отсутствии социального «выбора»: перемещения происходят в зависимости от потребностей семьи, в частности, ее размера, а иногда и ее финансовых возможностей, регулируемых ритмом профессиональной жизни [8, с. 168].

С другой стороны, государствами с развитой экономикой при достойном уровне социального обеспечения гражданам компенсируется недостаток материальных средств, возникающий при удовлетворении жилищной нужды. То есть представители элиты этих стран, несмотря на коммерческую заинтересованность в изоляции стоимости недвижимости, вынуждены принимать во внимание социо-культурные ориентации, влияющие на этот процесс [23, с. 308]. Например, в Дании пенсионер может рассчитывать на оплаченное государством отдельное социальное жилье с приходящей медицинской сиделкой, и, напротив, в Болгарии пенсионер будет надеяться на бесплатных волонтеров. В Бельгии и Австрии высок уровень муниципальных сообществ, и риск неплатежей по жилищным кредитам минимизируются местными субсидиями, в Румынии же гражданину пожмут руку, пожелают хорошего настроения и здоровья. То есть укорененность социальных отношений и сетевых связей, возникающих при удовлетворении естественных жилищных потребностей, становится фактором, сказывающимся на территориальной мобильности жителей европейских стран [24, с. 160].

Доля лиц, сменивших свое жилье и переехавших в другое жилое помещение, существенно различается в зависимости от государства пребывания. Переезды свойственны жителям стран с более развитой жилищной политикой.

Государства с транзитной экономикой и с еще несформированной жилищной системой демонстрируют особый уровень оседлости на своей территории. Наравне с этим, число переехавших лиц, определяемых как «экономически неактивные», больше всего именно в странах Востока Европы.

Таким образом, с особой осторожностью можно сказать, что рассматривать социальное пространство ЕС, ограниченное Шенгенской зоной, в виде абстрактного здания П. Сорокина не совсем верно, так как либо оно легло на свои стены, крышей на запад и фундаментом на восток, и вертикальная мобильность «вверх и вниз» по «социальным этажам» сменилась горизонтальной мобильностью внутри лестничных пролетов «государств благосостояния», либо оно представляет собой комплекс различных зданий с отличными жизнеустройствами, объединенных в единый жилмассив Европы.

Литература

1. Муфтахова А. Н., Козырева Л. Д. Жилищная стратификация в странах Евросоюза // *Экономическая социология*. **2018**. Т. 19. №1. С. 116–142.
2. Яницкий О. Н. *Глобализация. Город. Человек: монография*. М.: ФНИСЦ РАН, **2018**. 177 с.
3. Сорокин П. А. *Человек. Цивилизация. Общество* / Под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, **1992**. 543 с.
4. Вебер М. *История хозяйства*. Город. М.: КАНОН-пресс-Ц, **2001**. 576 с.
5. Park R. E., Burgess E. W. *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago: The University of Chicago Press, **1992**. 240 p.
6. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ, **2006**. 873 с.
7. Lefebvre H. *The urban revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press, **2003**. 197 p.
8. Castells M. *The Urban Question: A Marxist Approach*. Cambridge: The MIT Press, **1977**. 502 p.
9. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ, **2000**. 608 с.
10. Урри Дж. *Мобильности*. М.: ИКГ Праксис, **2012**. 576 с.
11. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: изд. дом ВШЭ, **2012**. 336 с.
12. Schengen Area. Официальный сайт Европейской комиссии. Миграция и внутренние дела (European Commission. DG Migration and Home Affairs). URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen_en.
13. Бурдые П. *Социальное пространство: поля и практики* / Отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, **2005**. 576 с.
14. Eurostat (Евростат). Официальный сайт. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat>.
15. People in the EU – statistics on geographic mobility. Population having moved within the last five-year period, by tenure status, 2012 (%) Source: Eurostat (ilc_hcmp05). Официальный сайт Eurostat (Евростата). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=People_in_the_EU_-_statistics_on_geographic_mobility.
16. *Чикагская социология: сборник переводов* / Сост. В. Г. Николаев. М.: РАН ИНИОН, **2015**. 430 с.
17. Парк Р. Э. *Избранные очерки: сборник переводов* / Сост. В. Г. Николаев. М.: РАН ИНИОН, **2011**. 320 с.
18. Вирт Л. *Избранные работы по социологии: сборник переводов* / Отв. ред. Л. В. Гирко. М.: РАН ИНИОН, **2005**. 244 с.
19. People in the EU – statistics on geographic mobility. Residents who moved in the 12-month period prior to the census, by activity status, 2011 (% of the total number of persons who moved) Source: Eurostat (ilc_lvps16) and (Census hub HC17). Официальный сайт Eurostat (Евростата). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=People_in_the_EU_-_statistics_on_geographic_mobility.
20. Glossary:Inactive. Официальный сайт Eurostat (Евростата). URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:Inactive>.
21. Ильин В. В. *Российская империя. Отжившее и живое: Монография*. М.: Проспект, **2023**. 384 с.
22. Ильин В. В. *Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен: Монография*. М.: Проспект, **2022**. 104 с.
23. Еремичева Г. В. Градостроительная политика освоения социального и территориального пространств советского и российского города // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса: Мат-лы IX социологических чтений памяти В. Б. Голофаства, 3–5 апреля 2017 г. СПб.: Норма, **2017**. С. 298–319.
24. Муфтахова А. Н. Территориальная мобильность в странах Евросоюза // *Среднерусский вестник общественных наук*. **2019**. Т. 14. №1. С. 145–160.

Поступила в редакцию 29.05.2023.

DOI: 10.15643/libartrus-2023.3.3

Socio-territorial mobility in European countries

© A. N. Muftakhova

*North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
57/43 Sredny Prospekt of Vasilyevsky Island, 199178 St. Petersburg, Russia.*

Email: msmalmira@yandex.ru

The relevance of the topic is due to the fact that in modern Europe there is a wide variety of housing policies and ways to solve the housing problem. This difference is due to the civilizational and socio-cultural characteristics of the countries, the level of their economic development and a number of other equally significant factors. The main goal is to study the impact of the degree of satisfaction of natural housing needs on socio-territorial mobility in European countries. The object of the analysis was the distinctive features in meeting housing needs in European countries. The subject of the study was the manifestations of socio-territorial mobility among residents of EU countries in conditions of housing inequality. The study revealed how the difference in economic systems affects the speed and scale of social and territorial mobility of EU citizens. This issue plays a significant role in the development of an effective housing policy. In the presented material, an attempt is made to substantiate the thesis about the dependence of the level of social and territorial mobility of citizens on inequality in meeting housing needs. A comparative assessment made it possible to point out the distinctive features in meeting natural housing needs in Europe.

Keywords: social mobility, territorial mobility, housing, residential housing, European countries.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Muftakhova A. N. Socio-territorial mobility in European countries // *Liberal Arts in Russia*. 2023. Vol. 12. No. 3. Pp. 157–164.

References

1. Muftakhova A. N., Kozyreva L. D. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2018. Vol. 19. No. 1. Pp. 116–142.
2. Yanitsky O. N. *Globalizatsiya. Gorod. Chelovek: monografiya [Globalization. City. Human: monograph]*. Moscow: FNISTs RAN, 2018.
3. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo [Human. Civilization. Society]*. Ed. A. Yu. Sogomonova. Moscow: Politizdat, 1992.
4. Weber M. *Istoriya khozyaistva [General economic history]*. Gorod. Moscow: KANON-press-Ts, 2001.
5. Park R. E., Burgess E. W. *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
6. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]*. Moscow: ACT, 2006.
7. Lefebvre H. *The urban revolution*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.
8. Castells M. *The Urban Question: A Marxist Approach*. Cambridge: The MIT Press, 1977.
9. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: economy, society and culture]*. Moscow: GU VShE, 2000.
10. Urry J. *Mobil'nosti [Mobilities]*. Moscow: IKG Praksis, 2012.
11. Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya [Sociology beyond societies: Mobilities for the 21st century]*. Moscow: izd. dom VShE, 2012.

12. Schengen Area. Ofitsial'nyi sait Evropeiskoi komissii. Migratsiya i vnutrennie dela (European Commission. DG Migration and Home Affairs). URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen_en.
13. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]* / Otv. red. N. A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii, **2005**.
14. Eurostat (Evrostat). Ofitsial'nyi sait. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat>.
15. People in the EU – statistics on geographic mobility. Population having moved within the last five-year period, by tenure status, 2012 (%) Source: Eurostat (ilc_hcmp05). Ofitsial'nyi sait Eurostat (Evrostata). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=People_in_the_EU_-_statistics_on_geographic_mobility.
16. *Chikagskaya sotsiologiya: sbornik perevodov [Chicago Sociology: collection of translations]*. Comp. V. G. Nikolaev. Moscow: RAN INION, **2015**.
17. Park R. E. *Izbrannye ocherki: sbornik perevodov [Selected essays: collection of translations]*. Comp. V. G. Nikolaev. Moscow: RAN INION, **2011**.
18. Wirt L. *Izbrannye raboty po sotsiologii: sbornik perevodov [Selected works in sociology: collection of translations]*. Ed. L. V. Girko. Moscow: RAN INION, **2005**.
19. People in the EU – statistics on geographic mobility. Residents who moved in the 12-month period prior to the census, by activity status, 2011 (% of the total number of persons who moved) Source: Eurostat (ilc_lvps16) and (Census hub HC17). Ofitsial'nyi sait Eurostat (Evrostata). URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=People_in_the_EU_-_statistics_on_geographic_mobility.
20. Glossary:Inactive. Ofitsial'nyi sait Eurostat (Evrostata). URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Glossary:Inactive>.
21. Il'in V. V. *Rossiiskaya imperiya. Ozhivshie i zhivoe: Monografiya [Russian Empire. Obsolete and living: monograph]*. Moscow: Prospekt, **2023**.
22. Il'in V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen: Monografiya [Philosophy of crisis. Humanity on the verge of catastrophic changes: monograph]*. Moscow: Prospekt, **2022**.
23. Eremicheva G. V. Sotsial'nye i prostranstvennye izmereniya sovremennogo megapolisa: Mat-ly IX sotsiologicheskikh chtenii pamyati V. B. Golofasta, 3–5 aprelya 2017 g. Saint Petersburg: Norma, **2017**. Pp. 298–319.
24. Muftakhova A. N. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*. **2019**. Vol. 14. No. 1. Pp. 145–160.

Received 29.05.2023.